

Е.Н. Межуев

ЭСХАТОЛОГИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ЕВРАЗИЙСКОМ УЧЕНИИ

Сургутский государственный педагогический университет

В данной статье рассматривается проблема воздействия внешних факторов на процессы разрушения государства в рамках государственного сознания, фиксирующего эти процессы, а также некоторые аспекты проблемы саморазрушения государства. Предпринимается попытка определить условия и механизмы разрушения/саморазрушения государственности и некоторые варианты ее видоизменения при условии сохранения цивилизационного основания [1].

Понятие эсхатологии сложно и многогранно, оно, как правило, используется в религиозноведческом контексте, обозначая религиозное учение о конце истории и конечной судьбе мира [2, с. 977]. В более широком социальном аспекте эсхатология рассматривается как элемент, внесенный в систему обстоятельствами и принципами организации государства, близкий по действию к логике саморазрушения, несущий в себе, и развивающий по ходу развития государства, деструктивный потенциал. Религиозный (православный) характер евразийского учения позволяет нам использовать логику этого понятия в контексте разработанной в нем концепции государственности. В работе «Евразийство. Опыт систематического изложения» православие постулируется как основа идеологии и новой евразийской государственности [5, с. 30]. Также стоит отметить некоторые мессианские черты евразийской государственной концепции и фатализм при восприятии собственного будущего во многих евразийских исследованиях, примером чего может служить работа П.Б. Струве «Великая Россия», отражающая все указанные характеристики [6].

Рассматривая обстоятельства формирования евразийской теории, необходимо выделить существенный фактор, хотя и имеющий признаки внешнего, но оказавший значительное влияние на внутреннюю логику евразийской теории. Речь идет о культурном фоне периода разработки основных положений данной теории. С одной стороны, это объективные исторические условия последствий Первой мировой войны, ведущие к разрушению основ существовавшего, традиционного мировосприятия и прогрессивного контекста европейской истории. С другой стороны, это зарождение неклассической науки, кризис цивилизационного сознания, цивилизационной теории, выразившийся в ее поглощении геополитикой [3, с. 106]. Сумма этих причин создает фон для формирования созна-

ния нестабильности, теории и логики предельности в самосознании евразийской цивилизации, что послужило контекстом эсхатологического восприятия ее истории.

Принципиальное отличие идеи эсхатологии от идеи непосредственного разрушения государственности кроется в фиксации ее идеолого-культурного содержания в евразийской теории. Эсхатология государственности для евразийства – внутренняя структурная функция системы, процесс саморазрушения, как естественный исход евразийской цивилизации, что составляет одно из ее существенных отличий от прочих цивилизаций. Определяя эту особенность, важно рассмотреть основы государств евразийского типа. В сфере государственного устройства ключевым элементом являлось то, что в России называлось соборность, а в Византии – эклессия (одновременно и Церковь, и Собрание в совещательной ипостаси), этатический принцип социокультурной организации, отвечающий синтетической природе всей евразийской цивилизации. Основой данного феномена является соединение в единую структуру религиозного и государственного компонентов, что также подтверждает врожденный этатизм, так как принцип эклессии – это внегосударственный управленческий, организующий элемент, органически связанный с прообщинными элементами в культуре. Этатизмом проникнуты все культурные образы, а одним из самых ярких выражений этого является трактовка православия исключительно в форме государственной религии как основы государственной идеологии [4, с. 27].

Православие, в данном случае, представляется в двух формах – как религиозная система, несущая в себе элементы мессианства, определяющая цивилизационную исключительность, и как социальный институт, инкорпорированный в социальную структуру общества. Православная церковь, как социальный институт, несколько отдалается от религиозной идеи и превращается в симфонический символ объединения этатического и духовного начала в идеологии. В таком понимании роли православной церкви просматривается одна из основополагающих особенностей евразийской трактовки государственной системы – дублирование принципов, определяющих ее структуру, что закрепляет, в свою очередь, принцип иерархичности как типа системного подчинения индивидуумов всеобщей структуре общественного порядка [3, с. 80].

Высшей точкой восприятия государства в евразийстве является учение об идеократии, как апогее объединения духовной и государственной жизни, воплощающей в рамках государства духовные потребности всех общественных организаций [7, с. 414]. Здесь уместно выделить аспект, объединяющий евразийство с идеей коммунизма (что не отрицали и сами евразийцы), – это подчинение идеоправительнице не столько всего народа, сколько правящей клики. В равной степени и на народ, и на правительство распространяется принцип жертвенности – правило, заимствованное из православия, согласно которому идеократия требует беспрекословного и немедленного самопожертвования [6, с. 438].

Идеократия стирает все социальные и имущественные условности, разделяющие общество, а в качестве организационного, мобилизующего элемента выступает идеологически закреплённый этатизм. Отсутствие разделения граждан, при строгой иерархии общества, является важнейшим принципом, формирующим социальную структуру общества, требующим соответствующих трансформаций государственного сознания. Принцип идеократического государственного устройства способствует тотальному проникновению государственных идей, олицетворяемых двумя важнейшими институтами, в сознание граждан.

Таким образом, можно определить две базисные формулы, на основании которых структурируется государственное сознание в евразийском учении о государстве. Первая из них – это объединение духовного и государственного начала в общественной идеологии, вторая основана на отсутствии иных признаков определения принадлежности к евразийскому государству, кроме восприятия и принятия идеократической системы [8]. Оба этих

базисных принципа уже содержат в себе элементы, определяющие эсхатологию государственности в евразийском учении, так как заключают в себе тот порок, который способен будет вывести из строя всю систему.

Стоит упомянуть еще об одном факторе, который относится к категории сопоставления теории и исторического материала. Наполняя географический материал культурно-историческим содержанием, как считает П.Н. Савицкий [5], можно понять историческую функцию Евразии как цивилизационной категории. Термин «функция» используется для указания на фактор, задающий направление развитию всей цивилизации, – это важнейший элемент всего цивилизационного евразийского потока. При возникновении евразийские государства более прочим подвержены влиянию внешнего фактора, они должны обладать гибкой цивилизационной основой, что обеспечит существование государства в агрессивных цивилизационных ареалах. Это, в свою очередь, определяет процесс восстановления государственных основ, что ярче всего видно на примере Византии, в которой имели место циклы реэллинизации. Их функцией являлось восстановление цивилизационной идентичности, размываемой в процессе существования государства из-за повышенной способности к восприятию инокультурных проявлений.

Жесткая идеолого-культурная фиксация принципов государственного существования имела место не только в трудах евразийцев, но и в истории государств, принадлежащих к евразийской цивилизации. Суть их сводится к внутренней определенности упадка цивилизационных основ евразийских государств, а причины их саморазрушения, в итоге, оказываются основами элементов, дающих жизнь всему государству.

Литература

1. Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 1998.
2. Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия. Минск, 2002.
3. Ионов И.Н. Пути развития цивилизационного сознания в Евразии и проблема евразийства // Цивилизации. М., 2004.
4. Пащенко В.Я. Социальная философия евразийства. М., 2003.
5. Савицкий П.Н. Континент Евразия. М, 1997.
6. Струве П.Б. Великая Россия // Русский мир. М., 2003.
7. Трубецкой Н.С. Об идее-правительнице идеократического государства // История. Культура. Язык. М., 1995.
8. Трубецкой Н.С. О государственном строе и форме правления // История. Культура. Язык. М., 1995.